

МЭРИ ЛУ ЛОНГВОРТ

чай, кофе
и убийства

МЭРИ ЛУ ЛОНГВОРТ

СМЕРТЬ НА ВИНОГРАДНИКЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44
Л76

Серия «Чай, кофе и убийства»

Mary Lou Longworth
DEATH IN THE VINES

Перевод с английского У.В. Сапциной

Серийное оформление В.А. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown Ltd. и Synopsis Literary Agency.

Лонгворт, Мэри Лу.

Л76 Смерть на винограднике : [роман] / Мэри Лу Лонгворт ; [пер. с англ. У. В. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-100091-2

Новое запутанное дело Верлака и Бонне — дело о загадочном убийстве Полин д'Аррас, супруги одного из самых богатых и знатных людей Прованса, чье тело было обнаружено на винограднике, принадлежащем известному виноделу Оливье Боннару.

Интересно, что этому преступлению предшествовали два странных происшествия: похищение из погребов Боннара нескольких бутылок раритетных вин и вроде бы ничем не мотивированный нервный срыв мадам д'Аррас, с рыданиями блуждавшей по улицам городка в домашней одежде.

Совпадения? Верлак и Бонне уверены: таких совпадений не бывает и эти события как-то связаны с убийством. Но как?..

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-100091-2
© Mary Lou Longworth, 2013
© Перевод. У.В. Сапцина, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Памяти

Сандры Лоренц О'Хейган (1946—2012)

и

Дэвида Юинга Коутса (1929—2012)

Глава 1

Доля ангелов*

Оливье Боннар сидел на нижней каменной ступеньке своего винного погреба, обхватив обеими руками голову, словно в попытке усмирить мигрень. Запустив мозолистые пальцы в густые седеющие волосы, он застонал. Потом взглянул на морской гребешок, вросший в каменную стену погреба, подался вперед и осторожно коснулся его. Таков был его тайный ритуал, которому он следовал каждый раз при входе в погреб с тех пор, как помнил себя. Эта ракушка служила напоминанием о том, что миллионы лет назад на месте большей части юга Франции плескалось море, а земля, на которой сейчас росли лозы, была скрыта глубоко под соленой водой. В стенах погребов у друзей Оливье тоже попадались морские окаменелости. Их можно было встретить на виноградниках, расположенных далеко на севере, вплоть до самого Люберона и долины Роны, но этот маленький, идеальной формы гребешок был его любимым. Оливье снова провел руками по волосам, стараясь не расплакаться. В последний раз он плакал восемь лет назад, на похоронах матери.

Он вздохнул и заставил себя посмотреть на винные стеллажи, достал карандаш и лист бума-

* Количество алкогольного напитка, испарившегося за время выдерживания в бочках. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ги из кармана стеганой куртки — в погреб поддерживалась постоянная температура плюс шестнадцать градусов по Цельсию, отсюда и куртка, несмотря на начало сентября, — и начал писать. В список попали два магнума — полуторалитровые бутылки — красного вина 1989 года, один магнум белого 1975 года, три бутылки красного 1954 года (его Оливье особенно любил), две бутылки белого 1978 года (староваты для белого, наверняка уже выдохлись), три бутылки красного 1946 года (первый винтаж после шести лет войны, любимое вино его отца) и магнум 1929 года — самая последняя бутылка первого розлива его деда.

Оливье составлял список несколько минут, потом отложил ручку и остановился. Пропали и другие бутылки, но ему требовалась передышка. Вина принадлежали его семье, но Боннар даже не пытался хотя бы приблизительно прикинуть стоимость бутылки урожая 1929-го или 1946 года: и та, и другая уже относились к категории коллекционных. Его страховой агент из Экса поможет с оценкой: у него в конторе есть каталоги винных аукционов «Сотбис» и «Кристис». Поль — давний, еще школьный товарищ, и с Оливье он не станет мелочиться.

Боннар был просто раздавлен пропажей вин, многие из которых разливали по бутылкам еще его отец и дед, но когда понял, что вор — кто-то из близких ему людей, на глаза навернулись слезы. Несмотря на то что погреб держали запертым, все в семье Оливье знали, где найти ключ: он висел справа от кухонной двери с тех пор, как сам Оливье был мальчишкой. Кто еще знал, где хранится этот ключ? Несмотря на замерзшие руки и ноги, Оливье бросило в жар, пока перед его мысленным взором проходили знакомые лица. Друзья, соседи, приятели — ужасно было представлять их в роли по-

дозреваемых на допросе в полиции. Среди них был и почтальон Реми, любивший заехать к ним на своем дряхлом мопее «мобилетт», или же, когда он приезжал не по служебным надобностям, — подкатить на побитом фургоне к самой двери кухни; и Элен, которая управляла его поместьем и занимала должность старшего винодела, — впрочем, ее муж служил в полиции, поэтому Оливье сразу вычеркнул Элен из списка, — и Сирил, его второй и последний наемный работник на полный рабочий день, круглый год помогавший на винодельне; и Сандрин, студентка местного университета, которая хозяйничала в дегустационном зале по выходным и праздничным дням и которую Оливье нанял, честно говоря, скорее за красивые глаза, чем за познания в области вин или способность правильно отсчитать сдачу. Каждый год в поместье толпами являлись собирать виноград выходцы из Северной Африки, но к дому они приближались редко, а Оливье, подозревая их в краже, чувствовал себя расистом — они так рвались работать во время *vendange*^{*}, изнурительного труда, за который Оливье с радостью брался, будучи студентом, и от которого в нынешние времена отказывалось столько молодых французов.

Затем Оливье задумался о своих родных, но представлял их не на допросе во Дворце правосудия, а сидящими за обеденным столом, и не в элегантной столовой усадьбы — бастиды, где предпочитала трапезничать его жена, а за длинным деревянным столом в кухне, перед жарко пылающим камином. Обычно эта отрадная картина вызывала у него улыбку, но сегодня желудок словно скрутило в тугой узел. У Элизы, на которой он

^{*} Сбор винограда (фр.).

женился двадцать лет назад, не было никаких причин перекладывать вина на другое место. Несмотря на то что Элиза полностью поддерживала Боннара в его работе на винодельне, она была трезвенницей, а к ее увлечениям относилась скорее студия дизайнера в Эксе, которой она владела вместе с подругой, чем технические сорта винограда — сира, гренаш и мурведр. Оливье представить себе не мог, зачем Виктору, его восемнадцатилетнему сыну, полюбившему землю и лозы с тех пор, как он научился ходить, понадобилось красть драгоценные бутылки, — как и его гордости и отраде, тринадцатилетней Кларе, вечно уткнувшейся носом в книгу, лучшей ученице класса с первых дней начальной школы. Отец Оливье жил вместе с семьей сына, на нижнем этаже отдельного крыла большого дома XVIII века. В свои восемьдесят три года Альбер Боннар был еще крепок здоровьем, но начинал быстро утомляться и мало-помалу терял память. Не далее как на прошлой неделе Оливье застал отца медленно бродившим между рядами лоз: он беседовал с ними и благодарил за щедрый урожай этого года.

Оливье поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Погрузившись в раздумья, он и не заметил, как просидел на ступеньке в погребе почти час. Услышав, как кто-то спускается по лестнице в погреб, он резко обернулся. А что, если придется столкнуться лицом к лицу с вором, вернувшимся, чтобы прихватить еще несколько бутылок шестидесятых годов, которые он — или она, мысленно поправился Оливье, не желая быть сексистом, — проглядел в первый раз?

— Я увидела, что горит свет. Выбираешь вино к завтрашнему ужину? — спросила мужа Элиза Боннар. — Ой! — воскликнула она. — У тебя

на лбу написано, что ты напрочь забыл про ужин с Пойе!

Оливье всегда был рад видеть жену, в браке с которой прожил много лет, а сегодня днем — особенно. Хоть Элиза и не пила спиртное, но была тонким ценителем вина и любила ездить в дегустационные туры вместе с Оливье по всей Франции, а иногда и за границу. В прошлом году они побывали в Аргентине в рамках обмена между южноамериканскими и французскими виноделами. При виде Элизы Оливье понял, насколько ему повезло с женой и как она нужна ему. Его глаза наполнились слезами, плечи поникли и задрожали.

Элиза Боннар вновь взглянула на обычно очень сдержанного мужа, и улыбка исчезла с ее лица. Она сбегала с последних ступеней и порывисто обняла Оливье.

— Mon amour?*

В тот же миг Оливье Боннар вздрогнул, и слезы потекли ручьем, прерываемые громкими всхлипами. Элиза Боннар поспешно достала из кармана бумажные платки и протянула мужу. Оливье невинно поблагодарил ее, несколько раз высморкался и вздохнул. Затем сделал глубокий вдох и выдох, еще раз, и еще, чтобы успокоиться, — супруги и детей учили так делать, когда тем случалось ушибиться или расстроиться. Только потом Оливье повернулся и молча указал на пустые ячейки винного стеллажа.

— Что произошло?! — ахнула Элиза. Она шагнула ближе к стеллажам, словно не верила собственным глазам. Четыре поколения семьи Боннар делали вино на этой же самой винодель-

* Моя любовь? (фр.)

не близ Ронь, в тридцати минутах езды на север от Экс-ан-Прованса, с тех самых пор, как прадед Оливье купил здесь землю вместе с ветхой бастидой в конце XIX века. Теперь поместье было тщательно отреставрировано и внесено в список исторических сооружений. Немало ранних вин, произведенных здесь, заслужило похвалу самых видных критиков; сам мистер Колтер приезжал из Америки раз в год ради дегустации и оценки вин Боннаров. Элиза невольно задумалась об этом критике: всемирно знаменитый и очень влиятельный, о чем не уставал напоминать ей Оливье, он держался скромно и просто, общаться с ним было легко, и он живо интересовался всем, что происходило в здешних местах. Однажды он даже попросил у Элизы рецепт ее *гужеров* — заварных булочек с сыром.

— Много бутылок недостает? — наконец спросила Элиза. На секунду-другую она закрыла глаза и молча вознесла благодарственную молитву. Увидев мужа в слезах, она боялась услышать, что у него рак или что они разорены. Да, пропавшие вина заменить нечем, но они сделают еще, будут и другие коллекционные урожаи. Элизу пугало другое: что кто-то проник в погреб, никем не замеченный.

— Я досчитал до двадцать третьей бутылки, среди них были и магнумы. Когда немного приду в себя, придется пересмотреть все. Странно, что пропало не все подряд, а одна бутылка там, две тут.

— Может, кто-нибудь оставил дверь погреба незапертой? — предположила Элиза.

— Она была заперта, когда я вошел сюда примерно час назад, и ключ висел на обычном месте в кухне. Неужели вор удосужился бы запереть дверь и вернуть ключ на место? И потом, я все утро работал во дворе, пытался починить трекля-

тый трактор. С того места дверь погреба видна как на ладони.

Элиза вздохнула, но промолчала. Они владели помещением, стоимость которого исчислялась миллионами, а ее муж упрямо продолжал чинить технику своими силами.

— А когда ты в последний раз заходил в эту часть погреба? — спросила она.

Боннар поморщился.

— Вопрос в самую точку. Стыдно признаться, но несколько месяцев назад.

Винные погреба Боннаров тянулись на много метров под их каменным домом. Как правило, Оливье проводил дни на винодельне, размещавшейся в отреставрированных конюшнях по соседству с амбаром. Там хватало места и для гигантских чанов из нержавеющей стали, и для бесчисленных рядов дубовых бочек в дальних помещениях. А в *ancien cave**, как они всегда называли погреб, расположенный точно под кухней, хранились выдающиеся семейные вина. Земляной пол был усыпан мелкой галькой, старая бочка, которой пользовался еще дед Оливье, служила столом. Табуреты у стола Элиза заказала по каталогу «Ла Редут». Развесив по стенам праздничную белую гирлянду лампочек, они провели в погребе немало вечеров, кутаясь в шерстяные свитеры и дегустируя вина вместе с друзьями.

— Должно же быть этому какое-то разумное объяснение, — заявила Элиза, уперев руки в бока.

— Какое, например? Испарение?

— Слушай, дорогой, я позову Виктора и попрошу его помочь тебе провести ревизию: он знает эти бутылки наизусть с пятилетнего возраста.

* Старый погреб (*фр.*).

та. — Элиза засмеялась и в попытке немного рассеять напряжение добавила: — В школе математика ему не давалась, а здесь, в погребке, он был виртуозом!

Она повернулась, чтобы уйти, но Оливье удержал ее за рукав.

— Ты что? — спросила она.

— Виктор, — ответил ее муж с таким видом, словно был и напуган, и в то же время разъярен. Элиза вздрогнула. В последний раз такое же выражение на лице мужа она видела, когда четырнадцатилетний Виктор угнал их машину ради забавы, чтобы покататься по городку.

Теперь Элиза понимала, чего боится ее муж.

— Виктор? Ты думаешь? Но зачем ему эти бутылки?

— Ради денег, — пожал плечами Оливье. На его лице отчетливее проступил страх. — Не нравятся мне эти ребята из Экса, с которыми он связался. Может, они и подбили его на это дело? Или он был вынужден согласиться — ну, знаешь, если ему угрожали? Он же всегда следовал за лидером, а не был им. — Оливье не решился добавить, что лидер в семье — Клара.

Элиза прикусила нижнюю губу, как делала всегда, когда нервничала.

— Мне тоже не по душе эти его новые друзья, но в последнее время Виктор редко с ними видится. Помоему, этот этап для него уже в прошлом. Сегодня он собирався в кино с Жеромом и Томá.

Братья Жером и Томá Клерг были сыновьями ближайших соседей Боннаров, еще одной семьи виноделов. Жан-Жак Клерг купил участок земли в подарок самому себе сразу после раннего выхода на пенсию. Он сколотил состояние, работая на «Голдман Сакс» в Лондоне, а потом, по выражению местных жителей, «монетизировал» его и поселил-

ся в Провансе в сравнительно молодом возрасте — тридцати семи лет, когда его сыновья только учились ходить. Две семьи сразу сдружились. Элиза была убеждена, что жена Жан-Жака, англичанка Люси, родившаяся и выросшая в Лондоне, во французской провинции и двух месяцев не продержится. Но именно Люси научила Элизу печь абрикосовые пироги с песочной корочкой, и не кто-нибудь, а Люси каждую зиму помогала Оливье с обрезкой веток олив. Но лучшим из сюрпризов оказался еще один: пройдя интенсивный курс энологии, Жан-Жак Клерг начал производить бесподобные вина. Вместе со старшим виноделом Оливье, Элен Полик и Марком Нажелем из Вара Клерг поднял знамя вин юго-востока Франции. Остальные виноделы региона учились у прославленного трио, и качество местных апелласьонов неуклонно улучшалось.

Оливье и Элиза застыли: по ступеням лестницы, выбивая из них пыль, загрохотала пара черных «конверсов».

— Легок на помине... — пробормотал под нос Оливье Боннар.

— О, а я вас везде ищу! — воскликнул Виктор Боннар. — Мам, когда ужин? Кино в восемь в Эксе. Нам надо успеть на автобус в семь десять. — Виктор посмотрел на мать, но та молчала. Он перевел взгляд на отца, но молчал и тот. У мальчишки мелькнула мысль, что родители поссорились. В горле встал ком. Наверное, обсуждали развод, как мать и отец его друга Люка.

Оливье повернулся к стеллажу с бутылками и широким взмахом руки предложил Виктору взглянуть на опустевшие ячейки.

— Что произошло?! — изумился Виктор.

— Вот и мама сказала то же самое.